

В. Л. Степанов
**МИНИСТР ФИНАНСОВ И. А. ВЫШНЕГРАДСКИЙ
И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ: ДИАЛОГ
НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ (1887 г.)**

doi: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-36-44

УДК 94(47)“1887”

ББК 63.3(2)5

В статье речь идет о встрече министра финансов И. А. Вышнеградского в августе 1887 г. с представителями предпринимательских кругов на Нижегородской ярмарке, где ему от имени «все-российского купечества» была подана записка, включавшая целый ряд пожеланий. Эта петиция в сочетании с другими подобными ходатайствами имела ряд последствий: финансовое ведомство встало на сторону фабрикантов центральных губерний в их борьбе с конкурентами из Царства Польского; приняло протекционистский таможенный тариф 1891 г.; с пониманием отнеслось к требованиям ускорить освоение восточных рынков сбыта российских товаров; попыталось смягчить в пользу хозяев фабричное законодательство 1882–1886 гг. Это свидетельствовало об определенном влиянии частного бизнеса на экономическую политику. Вместе с тем высшая бюрократия не собиралась жертвовать общегосударственными приоритетами в угоду корпоративным интересам предпринимателей. Правительство не пошло на преждевременную отмену порто-франко на Дальнем Востоке в 1880-х гг., не предприняло коренную ревизию правил 1886 г. о регулировании отношений нанимателей и рабочих, не стало форсировать пересмотр норм торгового права, отказалось снизить и без того достаточно умеренное налогообложение торговли и промышленности. Государственная власть, стимулируя индустриальный рост, оказывала поддержку частной инициативе, однако стремилась использовать ее прежде всего в своих интересах и допускала свободу предпринимательства лишь в определенных границах.

Ключевые слова: *экономическая политика, промышленность, торговля, Министерство финансов, предприниматели, государственно-частное партнерство, Нижегородская ярмарка*

Нижегородская ярмарка в дореволюционной России была крупнейшим центром деловой жизни, а объем ее торговых оборотов — одним из основных показателей состояния народного хозяйства страны. В последние десятилетия XIX в. она стала играть для предпринимателей роль своеобразной трибуны для выражения своих интересов. В 1864 г. ярмарочный комитет получил право ходатайствовать перед правительством о нуждах ярмарки, а с 1888 г. — о потребностях всей промышленности и торговли.¹ «Великое торжище» неоднократно посещали представители высшей бюрократии, члены императорской фамилии и даже венценосные особы. На нем побывал и министр финансов И. А. Вышнеградский, назначенный на этот пост в начале 1887 г. Он был видным ученым-механиком и инженером, получившим также широкую известность в мире бизнеса,

возглавляя правления нескольких крупных акционерных компаний. Новый министр проявлял особый интерес к вопросам торгово-промышленного развития. По его распоряжению нижегородский губернатор Н. М. Баранов регулярно посылал ему подробные сведения о ходе дел на ярмарке, открывшейся в июле 1887 г.² Собравшиеся в городе коммерсанты пригласили Вышнеградского посетить ярмарку, чтобы поговорить с ним о своих нуждах. Министр приехал 19 августа, и на состоявшейся встрече ему от имени «всероссийского купечества» была представлена записка с рядом пожеланий, которую зачитал председатель ярмарочного комитета П. Н. Осипов.³ Эта петиция отражала главным образом позицию фабрикантов Центрального промышленного района, и прежде всего «москвичей», которые традиционно доминировали на ярмарке. Неслучайно ее составителем был С. Ф. Шарапов — издатель консервативной газеты «Русское дело» и секретарь

¹ См.: Богородицкая Н. А., Выборнов А. Ю., Ледров С. М. Нижегородская ярмарка в системе международных торговых связей России в XIX — начале XX века. М., 2021. С. 91, 121.

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., г.н.с., Институт экономики РАН (г. Москва)
E-mail: valerij-stepanov@mail.ru

² См.: Мельников А. П. Столетие Нижегородской ярмарки. 1817–1917. Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки. Нижний Новгород, 1917. С. 181.

³ См.: Нижегородские губернские ведомости. 1887. № 34. 26 авг.

Московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговли.⁴

О диалоге между Вышнеградским и предпринимателями на Нижегородской ярмарке писали в периодической печати и в дальнейшем неоднократно упоминали его в научной литературе. Однако эта встреча и ее последствия никогда специально не исследовались, а они представляют собой яркую иллюстрацию взаимоотношений власти и бизнеса в дореволюционной России. На первое место в записке был поставлен вопрос о «водворившейся на нашей западной окраине чужеродной промышленности».⁵ Имелись в виду индустриальные центры Царства Польского, предприятия которых в основном принадлежали иностранным подданным, преимущественно немцам. Экономическим успехам края способствовали выгодное географическое положение, богатые месторождения угля, открытые в середине XIX в., развитая сеть транспортных коммуникаций, приток иностранных капиталов, использование более современного оборудования, высокая квалификация польских рабочих и специалистов, эффективная реклама и огромные возможности общероссийского рынка. В 1880-х гг. обострилась борьба между московскими и лодзинскими текстильными фабрикантами за сферы сбыта товаров. Металлургические и машиностроительные заводы Привислинского края также активно соперничали с Центральным промышленным районом, Петербургом и Уралом.⁶ Это вызывало сильное недовольство российских предпринимателей. Обращаясь к Вышнеградскому, они указали на «привилегированное положение» польских конкурентов — более удобный доступ к западному сырью (и прежде всего хлопку, облагаемому относительно низкой пошлиной), невысокие (по сравнению с Россией) налоги, умеренные железнодорожные тарифы на доставку грузов вглубь страны. Далее выражалась надежда, что правительство решительно устранил эти «несправедливые преимущества» и поставит Царство Польское в одинаковые условия с другими регионами империи.⁷

⁴ См.: Русское дело. 1890. № 8. 11 марта.

⁵ Злоба торгового дня: докладная записка торгующего на Нижегородской ярмарке купечества господину управляющему Министерству финансов и ответ на нее. М., 1887. С. 3.

⁶ См.: Субботин А. П. Борьба Москвы с Лодзью. Историко-экономический очерк. СПб., 1889; Скубневский В. А. Польша в системе общероссийского рынка во второй половине XIX — начале XX века // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII — начале XX века в восприятии российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири. Сборник научных трудов. Омск, 2015. С. 104–110.

⁷ См.: Злоба торгового дня. С. 3–5.

В петиции были высказаны «самые серьезные пожелания» по поводу восточных рынков сбыта российской продукции. В 1883 г. по настоятельным просьбам прежде всего фабрикантов центральных губерний правительство закрыло беспошлинный транзит европейских товаров через Закавказье в Персию, действовавший с 1846 г. и существенно затрагивавший интересы отечественных производителей. В том же году Закавказская железная дорога соединила Батум с Баку, а в 1886 г. было отменено порто-франко в Батуме, введенное в 1878 г. по решению Берлинского конгресса. Это защитило российскую торговлю от иностранной конкуренции, главным образом со стороны Великобритании, способствовало ее развитию и постепенному установлению доминирующего положения в северных персидских провинциях. Еще более усилилась роль Нижегородской ярмарки как ключевого пункта товарооборота между двумя странами.⁸ Предприниматели заявили, что благодаря мерам правительства Закавказье и Персия стали «достоянием русского труда». Вместе с тем они ходатайствовали об искоренении широкомасштабной контрабанды в Батумском округе и Карской области, наносившей значительный ущерб торговле.⁹ Это вопрос в 1880-х гг. приобрел особую актуальность во всероссийском масштабе. В правительственных кругах широко обсуждались меры по борьбе с незаконным провозом товаров через границу, масштаб которого возрастал по мере усиления таможенной охраны.¹⁰

В Центральной Азии после учреждения в 1867 г. Туркестанского генерал-губернаторства таможенная черта между Россией и казахскими округами была упразднена и передвинута на границы с Хивинским ханством и Бухарским эмиратом. По договорам 1873 г. оба государства перешли под протекторат империи, при этом на их территории российским коммерсантам предоставлялись экономические льготы. Однако Россия не могла официально вмешиваться во внутренние дела Хивы и Бухары для защиты интересов своих подданных. Поэтому английские товары продолжали успешно конкурировать с российскими благодаря бухарцам и хивинцам, которые фактически беспошлинно провозили их в пределы империи, выдавая

⁸ См.: Атаев Х. А. Торгово-экономические связи Ирана с Россией в XVIII–XIX вв. М., 1991. С. 215–225, 227–246, 251–257.

⁹ См.: Злоба торгового дня. С. 7.

¹⁰ Крихунов В. Н. Таможенная политика России и ее экономическая эффективность. 1877–1914 гг. М., 1999. С. 117–119.

за продукцию местного происхождения.¹¹ В записке содержалась настоятельная просьба включить Хивинское ханство и Бухарский эмират в общую таможенную черту с применением единого тарифа, чтобы оградить центральноазиатские владения от наплыва товаров из-за рубежа, дать больше простора российским торговцам и расширить их возможности для успешной конкуренции с иностранцами в приграничных странах Востока. Кроме того, предприниматели предлагали открыть в Хиве и Бухаре отделения Государственного банка для облегчения денежных расчетов. Они призывали также продолжить начавшееся в 1880 г. строительство казенной Закаспийской железной дороги, которая к тому времени была проложена из порта Узун-Ада через Кизил-Арват, Асхабад и Мерв до Чарджуя.¹²

На Дальнем Востоке, получив в 1858–1860 гг. Приамурье и Приморье по Айгунскому, Тяньцзиньскому и Пекинскому договорам с Китаем, правительство сразу же столкнулось с проблемой хозяйственного освоения новых территорий и необходимостью привлечения иностранных капиталов в условиях удаленности от Центральной России, отсутствия местной промышленности и надежных путей сообщения, малочисленности населения и нехватки рабочих рук. Поэтому с декабря 1862 г. во Владивостоке и других портах Приморской области ввели порто-франко с целью снабжения жителей заграничными товарами. Сбор взимался лишь за ввоз чая и алкогольных напитков. Тем самым зона беспошлинной торговли была распространена на всю Восточную Сибирь, так как российская таможенная черта вплоть до 1900 г. проходила в районе озера Байкал. В последующие десятилетия это способствовало резкому увеличению товарооборота, привлечению зарубежных инвестиций и иностранных рабочих, возрастанию темпов колонизации края.

С открытием в 1880 г. регулярного пароходного сообщения Одесса–Владивосток товары из центральных губерний стали ввозиться морем в более короткие сроки, а их сухопутная доставка почти прекратилась. Этим воспользовались российские промышленники, которые проявляли все больший интерес к рынкам Приамурья и Приморья. Московские фабриканты и солидар-

ные с ними периодические издания развернули кампанию за отмену порто-франко как режима, подрывавшего отечественную торговлю. В первой половине 1887 г. на имя Вышнеградского поступили записки по этому вопросу от владивостокского купца Ф. Фейгина, торгового дома «Братья Зензиновы», Московского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговли.¹³ Как утверждалось в петиции, правительство до сих пор не решилось отнять у иностранцев их привилегии, что позволяло им получать огромные доходы в ущерб российской коммерции. Если ранее необходимость порто-франко вызывалась слабым развитием промышленности и транспортных коммуникаций, то в дальнейшем его существование оказалось ничем не оправдано, с учетом развития экономики края и возможности торгового флота.¹⁴

Обращаясь к Вышнеградскому, предприниматели сетовали на чрезмерность сборов, взимаемых с торговли и промышленности. Действовавшая со времен министра финансов Е. Ф. Канкрин и лишь частично реформированная в 1863–1865 гг. патентная система промыслового обложения страдала многими недостатками. При определении налога учитывались не размер оборота и доходность предприятия, не сумма вложенного в него основного капитала, а только внешние признаки: род торга (оптовый, розничный, мелочной), количество заведений, принадлежавших одному лицу или обществу, число рабочих и служащих и т. п. Он ежегодно взимался в виде платы за свидетельство на право торгово-промышленной деятельности и за билеты на торговые и промышленные заведения. К началу 1880-х гг. в связи с развитием фабрично-заводского производства неравномерность обложения еще более усилилась. Попытка министра финансов Н. Х. Бунге (1881–1886 гг.) реформировать промысловый налог на подоходной основе не удалась из-за сильного сопротивления предпринимательских кругов, поддержанных высшей бюрократией. Поэтому в 1885 г. для акционерных компаний был введен добавочный 3 %-й налог с чистой прибыли за истекший операционный год, а для остальных гильдейских предприятий — примерно равный ему по размеру архаичный раскладочный сбор, применявшийся в России с давних времен.¹⁵

¹¹ См.: Почекаев Р. В. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 173–175.

¹² См.: Злоба торгового дня. С. 5, 6.

¹³ Алепо А. В. Зарубежный капитал и предпринимательство на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.). Хабаровск, 2001. С. 85–87.

¹⁴ См.: Злоба торгового дня. С. 6, 7.

¹⁵ См.: Ананьич Н. И. К истории податных реформ 1880-х годов (введение дополнительных сборов к промысловому

В записке содержались жалобы на сложность и неупорядоченность системы обложения, учет и проверка которого крайне затруднительны, особо отмечалось, что установленные в 1885 г. сборы из-за «несправедливой раскладки» всей тяжестью падают на «мелких производителей». Просители предлагали привести промысловый налог «к строгому единству и простоте» и взимать его в соответствии с суммой годового оборота. Кроме того, они призывали уравнивать заводчиков, фабрикантов и торговцев с проживающими в стране иностранными коммерсантами, избавленными от податной тягости российских подданных, и ввести для них специальный сбор.¹⁶

Предприниматели требовали также усилить защиту отечественной промышленности от иностранной конкуренции, указав на необходимость пересмотра устаревшего таможенного тарифа 1868 г. Постепенный переход от умеренно-охранительной к запретительной системе во внешней торговле начался еще во второй половине 1870-х гг. В дальнейшем при Бунге пошлины еще более возросли, что соответствовало общему усилению протекционистских тенденций в Европе. Однако российским промышленникам принятые меры казались недостаточными. Их позиция активно поддерживалась консервативной прессой (прежде всего «Московскими ведомостями» М. Н. Каткова), призывавшей к созданию «национальной» экономики, отгороженной от Запада высокими таможенными барьерами.¹⁷ В программной записке, представленной Александру III в декабре 1886 г. накануне вступления на министерский пост, Вышнеградский заявил о намерении встать на путь покровительства отечественному производству и коренным образом пересмотреть ставки таможенного обложения.¹⁸ Уже в первой половине 1887 г. были повышены пошлины на металлы, уголь и некоторые другие товары. В своей петиции промышленники целиком поддерживали курс министра финансов и обратились к нему с просьбой привлечь в комиссию по выработке нового тарифа представителей предпринимательских организаций. Кроме того, они счита-

ли целесообразным, не дожидаясь окончания законодательных работ, уже в ближайшее время увеличить пошлины на ряд иностранных товаров.¹⁹

В записке критиковалась политика финансового ведомства по урегулированию производственных отношений на частных фабриках и заводах. По инициативе Бунге были приняты законы: 1 июня 1882 г. — о запрещении работы детей до 12 лет; 3 июня 1885 г. — об отмене ночных смен для женщин и подростков 15–17 лет в некоторых отраслях, а также об ограничении рабочего дня детей 12–15 лет; 3 июня 1886 г. — о регламентации отношений между хозяевами и рабочими (установлении порядка найма и увольнения, выдачи зарплаты, наложения штрафов и т. п.). Для надзора за их соблюдением была учреждена инспекция, в которую поступили на службу видные представители интеллигенции, искренне стремившиеся улучшить условия труда и быта фабричного населения. Законодательные ограничения и стремление инспекторов заставить владельцев промышленных заведений выполнять установленные требования вызвали с их стороны сильное недовольство. Вышнеградский, приняв бразды правления в министерстве, сочувственно отнесся к претензиям хозяев, осудил действия инспекции и даже решил передать ее в ведение МВД.²⁰ В записке фабриканты жаловались на «совершенно бесполезные затруднения для русской промышленности», происшедшие от инспекции «ввиду несовершенств ее организации и по непригодности ее персонала». Они ссылались на «долгое, спокойное и патриархальное прошлое русских производств» и порицали закон 1886 г., отдавший предприятия на милость некомпетентных лиц, которые преследуют «совершенно непонятные цели», вносят «раздор и разлад» между нанимателями и рабочими, пренебрегая интересами государства и нуждами промышленности. Кроме того, предприниматели заявили о своем беспокойстве по поводу возможной передачи инспекции из Министерства финансов, так как им совсем не хотелось оказаться под жестким контролем МВД.²¹

В петиции было также высказано пожелание как можно скорее завершить работы по пересмотру устаревших уставов о векселях,

налогу: 3-процентного и раскладочного) // История СССР. 1979. № 1. С. 159–171.

¹⁶ См.: Злоба торгового дня. С. 8, 9.

¹⁷ См.: Степанов В. Л. Таможенная охрана отечественной промышленности в трудах и политике Н. Х. Бунге // Вопросы теоретической экономики. 2024. № 3. С. 216–224.

¹⁸ См.: Вышнеградский И. А. О задачах финансовых учреждений в деле устранения дефицита в государственном бюджете (1886 г.) / публ. В. Л. Степанова // Река времён. М., 1995. Кн. 1. С. 196.

¹⁹ См.: Злоба торгового дня. С. 7, 8.

²⁰ Степанов В. Л. Н. Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1998. С. 210–217, 223, 224.

²¹ См.: Злоба торгового дня. С. 9, 10.

несостоятельности (банкротстве) и коммерческом судопроизводстве, имевших существенное значение для развития промышленности. Устав о векселях от 25 июля 1832 г., базировавшийся на нормах французского и германского права, оказался неподходящим к местным условиям — специфике товарно-денежного оборота, низкому уровню юридической грамотности населения, недостаточному количеству финансово-кредитных учреждений, слабому развитию транспортной сети при огромных расстояниях и т. п. Главное внимание в уставе уделялось переводным операциям, а в России, в отличие от Запада, в основном использовался простой вексель. Поэтому на протяжении долгих десятилетий в устав вносились всевозможные изменения и дополнения, а также был подготовлен целый ряд вариантов нового законопроекта, последний из которых был представлен в 1884 г. в Государственный совет. Однако он вызвал серьезные критические замечания и был отправлен на дальнейшую доработку в специальную комиссию. Между тем экономика страны остро нуждалась в уставе о простых векселях, четком разделении правил оборота простых и переводных векселей, определении границ векселеспособности.²²

Действовавший в то время «Устав о торговой несостоятельности» был принят еще 23 июня 1832 г. Вначале он распространялся только на купеческое и мещанское сословия. Дела о банкротстве, касающиеся других категорий населения, формально поступили в ведение губернских правлений, но фактически постепенно перестали там обсуждаться. Устав страдал чрезмерной усложненностью, пробелами, неясностью отдельных статей, отставанием от постоянно обновлявшегося иностранного законодательства, поэтому в дальнейшем развернулись работы по совершенствованию его норм дополнительными актами. В частности, 1 июля 1868 г. после судебной реформы 1864 г. были изданы временные правила о порядке производства дел о несостоятельности как торговой, так и неторговой в новых судебных инстанциях, а 22 мая 1884 г. — о процедуре ликвидации дел учреждений краткосрочного кредита. Тем не менее все изменения в уставе не носили коренного характера, и в последние десятилетия XIX в. он далеко не соответствовал экономическим потребностям страны. В правительственных кругах неоднократно поднимался вопрос о подготовке нового

закона и выдвигались проекты, составители которых стремились достичь уровня современного западного конкурсного права, но ни один из них не получил должной поддержки.²³

В России вплоть до конца XVIII в. не существовало специальных судебных органов для разрешения споров, возникавших при заключении сделок экономического характера. Однако развитие торговых связей и рыночных отношений заставило правительство сделать определенные шаги в этом направлении. В первой трети XIX столетия в нескольких портовых городах появились первые коммерческие суды, и предприниматели усиленно ходатайствовали об их повсеместном введении. 14 мая 1832 г. по образцу французского и германского законодательства был принят соответствующий устав, который обеспечил купечеству такие судебные привилегии, которыми не обладало остальное население страны. После его издания были преобразованы старые коммерческие суды и учреждены новые в Петербурге, Москве и ряде других крупных городов. Однако в ходе подготовки и проведения судебной реформы 1864 г. ее разработчики выступили за их упразднение и передачу торговых дел в ведение общегражданских судов. Это мнение нашло поддержку в высших сферах власти, и во второй половине 1860-х гг. началось закрытие коммерческих судов в некоторых городах. Правда, образованная в 1871 г. специальная комиссия выступила в защиту особой коммерческой юрисдикции и даже к 1877 г. подготовила проект нового устава, но его обсуждение надолго затянулось.²⁴

В ответном слове Вышнеградский обещал принять к сведению высказанные пожелания. Он сообщил, что правительством уже намечены меры для обеспечения «совершенно равномерной конкуренции округов лодзинского и центрального». Решению этой задачи будет способствовать установление прямого руководства со стороны государства тарифами частных железнодорожных компаний для защиты интересов казны, населения, промышленности и торговли. Министр сослался на соответствующее постановление Государственного совета, утвержденное Александром III 15 июня 1887 г. Вышнеградский заявил о своем намерении довести до конца сооружение Закаспийской магистрали, а также обязательно привлечь к

²² См.: Мошенский С. З. Эволюция векселя. Киев; Ровно, 2005. С. 353–356, 373–378.

²³ См.: Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. М., 1912. Т. 4. С. 142–146.

²⁴ См.: Егоров В. Г., Ольшанская Л. В. Коммерческие суды в России: генезис, структурно-функциональная эволюция и ликвидация. СПб., 2017. С. 36–57, 159–166, 187–190.

разработке нового таможенного тарифа компетентных лиц из числа предпринимателей. Он признал основательность их претензий к правилам от 3 июня 1886 г., регулировавшим отношения хозяев и рабочих, и к действиям фабричной инспекции, пообещав добиться пересмотра нового законодательства в ближайшее время. Министр счел обоснованными жалобы коммерсантов на «неуровнительность, сложности и тяжесть» промыслового обложения и добавил, что следует устранить его «наиболее существенные несправедливости». Вместе с тем, подчеркнул Вышнеградский, состояние экономики и финансов не позволяло всерьез размышлять об облегчении «податной тягости», так как в тот момент «приходилось дорожить каждой копейкой» для покрытия бюджетного дефицита. Коснувшись вопроса о пересмотре уставов о векселях, торговой несостоятельности и коммерческом судопроизводстве, министр сказал, что постарается «подвинуть это дело» в следующем году на ближайшей сессии Государственного совета. Он указал, что эти акты, которые копировались с иностранных образцов, мало подходят для применения в российских условиях. Однако работа комиссий по подготовке новых уставов, продолжавшаяся уже два десятилетия, сопряжена с большими трудностями, поэтому лучше, набравшись терпения, дождаться их окончания, чем получить неудовлетворительные результаты.²⁵

Вышнеградский предпринял ряд шагов для удовлетворения изложенных в записке ходатайств, а после отставки в 1892 г. некоторые начинания министра продолжил его преемник С. Ю. Витте. Финансовое ведомство оказывало поддержку промышленникам внутренних губерний в их противостоянии с польскими предпринимателями путем распределения казенных заказов, усиления таможенной охраны и регулирования тарифов на железных дорогах. В ноябре 1887 г. по западной границе России были введены повышенные пошлины на ввоз хлопка. В марте 1889 г. утвердилась государственная монополия на железнодорожные тарифы, что значительно расширило возможности правительства в организации помощи коммерсантам Центрального промышленного района. В частности, были установлены более высокие ставки на транспортировку грузов от окраин страны к центру, чем на обратные маршруты. При этом московские фабриканты и заводчики пользовались льготной платой за провоз, осо-

бенно при доставке товаров к волжским пристаням в период летней навигации. Уже к началу 1890-х гг. польская промышленность утратила свои преимущества перед другими индустриальными центрами империи.²⁶

В январе 1891 г. по представлению Вышнеградского действие общероссийского законодательства о взысканиях и наказаниях за тайный провоз через границу товаров было распространено на Кавказский край.²⁷ Новый Устав таможенный 1892 г. существенно дополнил правила о борьбе с контрабандой и ввел строгие санкции, которые предусматривали конфискации и денежные штрафы²⁸. В 1891 г. министр финансов сумел, наконец, добиться предварительного согласия Александра III на включение Хивинского ханства и Бухарского эмирата в общую таможенную черту. Однако обсуждение этого вопроса в межведомственном совещании затянулось, и окончательное решение было принято только в 1894 г. В обоих вассальных государствах были учреждены таможенные структуры и введены высокие ввозные пошлины на иностранные товары, что позволило закрепить за российскими предпринимателями привилегированное положение и активизировать торговлю с Персией и другими странами ближайшего азиатского зарубежья.²⁹ В том же 1894 г. в Бухаре открылось отделение Государственного банка. Рост товарооборота стимулировала также Закаспийская железная дорога, которая к маю 1888 г. была доведена до Самарканда, а в 1895–1898 гг. — до Ташкента с одновременным строительством веток на Андижан и Кушку. Эта магистраль способствовала объединению слабо связанных между собой различных государств и областей на огромной территории российских владений в Центральной Азии и их интеграции в общее экономическое пространство империи.³⁰

Требование московских фабрикантов отменить порто-франко в Приморской области вызвало резкую критику в обществе. Оппоненты протекционистов упрекали их в игнорировании низкого уровня экономического развития Дальнего Востока и отстаивании своекорыстных интересов, указывали на явную преждевременность отказа от беспошлинной торговли в этом регионе. Руководство Министерства

²⁵ См.: Злоба торгового дня. С. 12–16.

²⁶ См.: История Польши. М., 1955. Т. 2. С. 315, 316.

²⁷ См.: Министерство финансов. 1802–1902. СПб., 1902. Ч. 2. С. 224.

²⁸ Крихунов В. Н. Указ. соч. С. 119, 120.

²⁹ См.: Почекаев Р. В. Указ. соч. С. 175–180.

³⁰ См.: Атаев Х. А. Указ. соч. С. 257–260.

финансов выступало за широкое привлечение иностранных капиталов, но если в Европейской России эта политика сочеталась с ужесточением таможенной охраны, то в Приморской области, учитывая ее отдаленность и малонаселенность, считалось целесообразным сохранение порто-франко. Вместе с тем правительство, опасаясь засилья иностранцев на восточных территориях и угрозы их отторжения другими державами, принимало и некоторые ограничительные меры. В 1887–1888 гг. по инициативе Вышнеградского пошлинами, кроме чая и алкоголя, были обложены и другие подакцизные товары: табак, сахар, спички, нефтепродукты. По закону от 4 мая 1889 г. взимание таможенных сборов должно было производиться в двух основных портах — во Владивостоке и Николаевске, однако министр финансов получил право распространять его действие и на другие порты области. В дальнейшем, по мере хозяйственного освоения Приморья и развития транспортной инфраструктуры (прежде всего — после строительства Транссибирской магистрали) режим порто-франко в значительной степени утратил свое значение, и с 1 января 1901 г. был отменен. Его временно восстановили 1 мая 1904 г. в связи с морской блокадой японским флотом российских портов и окончательно упразднили с 1 марта 1909 г.³¹

Министерство финансов не отозвалось на просьбы предпринимателей снизить налог на торгово-промышленную деятельность. Более того, в 1889 г. по представлению Вышнеградского раскладочный сбор распространили на негильдейские предприятия. В 1892 г. состоялось повышение дополнительных сборов: процентного — с 3 до 5 % и на 25 % суммы раскладочного сбора, кроме того, к уплате были привлечены акцизные фабрики и заводы. Это позволило увеличить поступления в казну почти в два раза. 8 июня 1898 г. было принято новое Положение о государственном промышленном налоге, которое способствовало большей уравнительности, пропорциональности и доходности обложения. Однако закон не уничтожил деление сборов на основной (патентный и билетный) и дополнительный. Прежняя система взимания налога в целом сохранилась до Первой мировой войны. Вопреки жалобам промышленников, она носила весьма умеренный и

щадящий характер. Доля промыслового налога в государственных доходах была ничтожной и составляла всего несколько процентов.³²

Вышнеградский сдержал обещание еще более усилить защиту отечественных производителей от иностранной конкуренции и привлечь их к обсуждению вопросов таможенной политики. Он продолжил курс на дальнейшее повышение пошлин, а в 1887 г. в финансовом ведомстве началась работа по подготовке нового тарифа. В мае 1889 г. все собранные материалы и проекты были переданы на предварительное рассмотрение совещательных торгово-промышленных учреждений и предпринимательских организаций. Их отзывы поступили в межведомственную комиссию, образованную в августе 1890 г. при Министерстве финансов. В нее вошли тринадцать представителей «промышленного класса» от Совета торговли и мануфактур, его московского отделения, Иваново-Вознесенского комитета торговли и мануфактур, а также ряда биржевых комитетов, причем большинство составили фабриканты центральных губерний. Разработанный при их участии проект был обсужден в Государственном совете и 11 июня 1891 г. утвержден императором. Новый протекционистский тариф был самым высоким в Европе по уровню таможенной охраны, что имело существенное значение для стимулирования внутреннего производства и роста государственных доходов.³³

Министр финансов отреагировал на просьбу петиционеров и отказался от своего намерения передать фабричную инспекцию в МВД. Из ее состава были удалены лица, вызывавшие наибольшее раздражение предпринимателей. Кроме того, в ноябре 1887 г. по соглашению Вышнеградского и министра внутренних дел графа Д. А. Толстого состоялось учреждение межведомственной комиссии для пересмотра правил от 3 июня 1886 г., работа которой затянулась на долгие годы. Со временем министр финансов отошел от своей прежней позиции, признав целесообразность фабричного законодательства для формирования кадров квалифицированных рабочих и смягчения социального конфликта в промышленности. В итоге новые правила, утвержденные 8 июня 1893 г., внесли лишь незначительные изменения в действовавшие

³¹ См.: Алепо А. В. Указ. соч. С. 87–92, 160–162, 276; Беляева Н. А. От порто-франко к таможене: очерк региональной истории российского протекционизма. Владивосток, 2003. С. 38–40, 58, 59, 116, 117, 147, 148.

³² См.: Ананьич Н. И. Указ. соч. С. 171; Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 174–176, 226–229.

³³ См.: Соболев М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX века. Томск, 1911. С. 698–796.

правовые нормы.³⁴ И все же Вышнеградскому удалось частично учесть пожелания фабрикантов. 24 апреля 1890 г. законы от 1 июня 1882 г. и 3 июня 1885 г. были кодифицированы и сведены в один акт, однако при этом прежние требования были смягчены: министр финансов получил право при необходимости по соглашению с министром внутренних дел разрешать на предприятиях труд детей в возрасте 10–12 лет и ночную работу для лиц 12–15 лет в стекольном производстве; инспекция — допускать малолетних к работе в воскресные и праздничные дни; фабричное присутствие или губернатор — позволять ночные смены женщин и подростков 15–17 лет.³⁵ Совершенствование фабричного законодательства надолго затормозилось и возобновилось лишь во второй половине 1890-х гг.

Вышнеградскому не удалось ускорить пересмотр законов по торговому праву. Проект нового вексельного устава после многолетнего обсуждения был утвержден только 27 мая 1902 г. Основанный на положениях новейшего вексельного законодательства, он впервые разграничил нормы оборота простых и переводных векселей, установил строгую систему правил вексельных операций.³⁶ Хуже обстояло дело с выработкой нового устава о торговой несостоятельности. Последний проект, представленный в 1888 г. бывшим председателем Санкт-Петербургского коммерческого суда Н. А. Туром, также не получил поддержки в высших эшелонах власти.³⁷ Сходная ситуация сложилась и в отношении дальнейшей судьбы коммерческих судов. Предприниматели по-прежнему выступали за их сохранение и распространение на территории всей страны, однако Министерство

юстиции настаивало на упразднении этих учреждений, поэтому в 1890-х гг. продолжился процесс закрытия судов в ряде городов. Тем не менее в наиболее крупных торговых центрах, таких как Москва, Петербург, Одесса и Варшава, они сохранились вплоть до конца 1917 г.³⁸

Петиция ярмарочного купечества в сочетании с другими ходатайствами предпринимателей имела целый ряд последствий. Министерство финансов встало на сторону фабрикантов центральных губерний в их борьбе с конкурентами из Царства Польского, приняло протекционистский таможенный тариф 1891 г., с пониманием отнеслось к требованиям ускорить освоение восточных рынков сбыта российских товаров, попыталось смягчить в пользу хозяев фабричное законодательство 1882–1886 гг. Это свидетельствовало об определенном влиянии частного бизнеса на экономическую политику. Вместе с тем высшая бюрократия не собиралась жертвовать общегосударственными приоритетами в угоду корпоративным интересам предпринимательских кругов. Правительство не пошло на преждевременную отмену порто-франко на Дальнем Востоке в 1880-х гг., не предприняло коренную ревизию правил 1886 г. о регулировании отношений нанимателей и рабочих, не стало форсировать пересмотр норм торгового права, отказалось снизить и без того достаточно умеренное налогообложение торговли и промышленности. Государственная власть, стимулируя индустриальный рост, оказывала поддержку частной инициативе, однако стремилась использовать ее прежде всего в своих интересах и допускала свободу предпринимательства лишь в определенных границах.

Valerii L. Stepanov

Doctor of Historical Sciences, Institute of Economics of the RAS (Russia, Moscow)

E-mail: valerij-stepanov@mail.ru

**MINISTER OF FINANCE I. A. VYSHNEGRADSKY AND THE ENTREPRENEURS:
A DIALOGUE AT THE NIZHNY NOVGOROD FAIR (1887)**

The article deals with the meeting of Finance Minister I. A. Vyshnegradsky in August 1887 with representatives of business circles at the Nizhny Novgorod Fair, where a note was submitted to him on behalf of the “All-Russian merchantry”, which included a number of wishes. This petition along with other similar petitions had a number of consequences. The financial department sided with the manufacturers of the central provinces in their struggle with competitors from the Kingdom of Poland, adopted the 1891 protectionist customs tariff, sympathized with the demands to accelerate the development of eastern markets for Russian goods, tried to soften the 1882–1886 factory legislation in favor of the owners.

³⁴ См.: Балабанов М. С. Борьба фабрикантов против охраны труда. Пересмотр закона 3 июня 1886 года // Архив истории труда в России. Пг., 1924. Т. 11/12. С. 123, 124, 127–130.

³⁵ См.: Степанов В. Л. Н. Х. Бунге. С. 223, 224.

³⁶ См.: Мошенский С. З. Указ. соч. С. 378–389.

³⁷ См.: Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 146.

³⁸ См.: Егоров В. Г., Олышанская Л. В. Указ. соч. С. 166–175, 190.

This indicated a certain influence of private business on economic policy. At the same time, the higher bureaucracy was not going to sacrifice national priorities in favor of the corporate interests of entrepreneurs. The government did not prematurely abolish Porto Franco in the Far East in the 1880s, did not undertake a radical revision of the 1886 rules on regulating relations between employers and workers, did not force a revision of the norms of commercial law, refused to reduce the already moderate taxation of trade and industry. The state, stimulating industrial growth, supported private initiative, but sought to use it primarily to its advantage and allowed freedom of entrepreneurship only within certain limits.

Keywords: *economic policy, industry, trade, Ministry of Finance, entrepreneurs, public-private partnership, Nizhny Novgorod Fair*

REFERENCES

- Alepko A.V. *Zarubezhnyy kapital i predprinimatel'stvo na Dal'nem Vostoke Rossii (konets XVIII v. — 1917 g.)* [Foreign Capital and Entrepreneurship in the Russian Far East (Late 18th Century — 1917).]. Khabarovsk: Izd-vo KHGPU Publ., 2001. (in Russ.).
- Ananyich N. I. [On the History of the 1880s Tax Reforms (Introducing Additional Charges to the Trade Tax: 3 % and Apportionment)]. *Istoriya SSSR* [History of the USSR], 1979, no. 1, pp. 159–173. (in Russ.).
- Atayev H. A. *Torgovo-ekonomicheskiye svyazi Irana s Rossiyei v XVIII–XIX vv.* [Iran's Trade and Economic Relations with Russia in the 18th–19th Centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1991. (in Russ.).
- Balabanov M. S. [The Struggle of Factory Owners against Labor Protection. Revision of the Law of June 3, 1886]. *Arkhiv istorii truda v Rossii* [Archive of the History of Labor in Russia]. Petrograd: Kul'turno-prosvetitel'skiy otdel Petrogradskogo gubernskogo soveta professional'nykh soyuzov Publ., 1924, vol. 11/12, pp. 118–131. (in Russ.).
- Belyaeva N. A. *Ot porto-franko k tamozhne: ocherk regional'noy istorii rossiyskogo protektsionizma* [From Porto Franco to Customs: An Essay on the Regional History of Russian Protectionism]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 2003. (in Russ.).
- Bogoroditskaya N. A., Vybornov A. Yu., Ledrov S. M. *Nizhegorodskaya yarmarka v sisteme mezhdunarodnykh torgovykh svyazey Rossii XIX — nachala XX veka* [Nizhny Novgorod Fair in the System of International Trade Relations of Russia in the 19th — Early 20th Centuries]. Moscow: Moskovskiy un-t im. S. Yu. Vitte Publ., 2021. (in Russ.).
- Egorov V. G., Olshanskaya L. V. *Kommercheskiye sudy v Rossii: genezis, strukturno-funktsional'naya evolyutsiya i likvidatsiya* [The Commercial Courts in Russia: Genesis, Structural and Functional Evolution and Liquidation]. Saint Petersburg: Aletya Publ., 2017. (in Russ.).
- Istoriya Pol'shi*. [The History of Poland]. Moscow: Izdate'stvo AN SSSR Publ., 1955, vol. 1. (in Russ.).
- Krikhunov V. N. *Tamozhennaya politika Rossii i yeye ekonomicheskaya effektivnost'. 1877–1914 gg.* [Russia's Customs Policy and Its Economic Efficiency. 1877–1914]. Moscow: Rusina Publ., 1999. (in Russ.).
- Moshensky S. Z. *Evolutsiya veksel'ya* [The Evolution of the Promissory Note]. Kiyev; Rovno: Planeta-druk Publ., 2005. (in Russ.).
- Pochekaev R. V. [Inclusion of Bukhara Emirate and Khiva Khanate into the Customs System of the Russian Empire (1895)]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law Journal of the Higher School of Economics], 2016, no. 3, pp. 172–183. (in Russ.).
- Shepelev L. E. *Tsarizm i burzhuaziya vo vtoroy polovine XIX veka. Problemy torgovo-promyshlennoy politiki* [Tsarism and the Bourgeoisie in the Second Half of the 19th Century. Problems of Trade and Industrial Policy]. Leningrad: Nauka Publ., 1981. (in Russ.).
- Skubnevsky V. A. [Poland in the System of the All-Russian Market in the Second Half of the 19 — early 20 Century]. *Pol'skiye ssyl'nyye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII — nachale XX veka v vospriyatii rossiyskoy administratsii, pereselentsev i korennykh narodov Sibiri* [Polish Exiles in Siberia in the Second Half of the 18th — Early 20th Century: Perceptions of the Russian Administration, Settlers, and Indigenous Peoples of Siberia]. Omsk: Poligraficheskii tsentr KAN Publ., 2015, pp. 104–110. (in Russ.).
- Stepanov V. L. [Customs Protection of Domestic Industry in the Works and Politics of N. H. Bunge]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Issues of Economic Theory], 2024, no. 3, pp. 216–224. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_216_224 (in Russ.).
- Stepanov V. L. *N. Kh. Bunge: sud'ba reformatora* [N. H. Bunge: The Fate of a Reformer]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1998. (in Russ.).
- Vyshnegradsky I. A. [On the Tasks of Financial Institutions in Eliminating the Deficit in the State Budget (1886)]. *Reka vremeni* [River of Time]. Moscow: Ellis Lak Publ., 1995, vol. 1, pp. 190–197. (in Russ.).

Для цитирования: Степанов В. Л. Министр финансов И. А. Вышнеградский и предприниматели: диалог на Нижегородской ярмарке (1887 г.) // Уральский исторический вестник. 2025. № 3 (88). С. 36–44. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-36-44.

For citation: Stepanov V. L. Minister of Finance I. A. Vyshnegradsky and the Entrepreneurs: A Dialogue at the Nizhny Novgorod Fair (1887) // Ural Historical Journal, 2025, no. 3 (88), pp. 36–44. DOI: 10.30759/1728-9718-2025-3(88)-36-44.